

ФРАЗЕОЛОГИЯ ПАСТЕРНАКОВСКОЙ ПРОЗЫ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

PASTERNAK'S PROSE PHRASEOLOGY IN THE FUNCTIONAL AND STYLISTIC ASPECT

L. Kozhanova

Summary: The article deals with the analysis of the phraseological units of B.L. Pasternak's prose in terms of their functional and stylistic characteristics. Taking into account the nature of the stylistic connotation of phraseological units and the scope of their functioning, the following classes of phraseological units are distinguished: colloquial, interstyle and bookish, and the features of each of these groups are considered.

Keywords: phraseological units, phraseological system, functional and stylistic, colloquial, interstyle, bookish.

Кожанова Лариса Владимировна

кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ
ВО «Воронежский государственный университет
инженерных технологий»
l.kozhanova@bk.ru

Аннотация: В статье проводится анализ фразеологических единиц прозы Б.Л. Пастернака с точки зрения их функционально-стилистических характеристик. Учитывая характер стилистической коннотации фразеологических единиц и сферу их функционирования, выделяются следующие классы фразеологических единиц: народно-разговорные, межстилевые и книжные, а также рассматриваются особенности каждой из этих групп.

Ключевые слова: фразеологические единицы, фразеологическая система, функционально-стилистический, народно-разговорные, межстилевые, книжные.

В последнее время появилось множество работ, посвященных анализу творчества Б.Л. Пастернака. Исследовались метонимичность и метафоричность языка писателя, проводился интертекстуальный анализ его произведений, рассматривались особенности стиля и синтаксиса.

К сожалению, фразеология прозы Б.Л. Пастернака почти не изучена, отсутствуют и работы, посвященные рассмотрению перевода его фразеологического наследия на английский язык. Тем не менее, фразеологический запас прозаических произведений Б.Л. Пастернака исключительно богат и разнообразен в семантико-стилистическом, лексико-грамматическом и историко-генетическом отношениях.

Ведь именно фразеология является одним из активных эмоционально-экспрессивных средств воздействия на читателя.

Целью нашего исследования является комплексное изучение функционально-стилистических особенностей фразеологической системы Б.Л. Пастернака.

При этом мы придерживаемся понимания фразеологии в широком смысле слова вслед за Н.М. Шанским, З.Д. Поповой, М.М. Копыленко, Л.И. Ройзензоном, В.Л. Архангельским и другими учеными-языковедами. Пословицы и поговорки, крылатые выражения, словосочетания терминологического характера признаются фразеологическими единицами (ФЕ). Иными словами, «всякое языковое образование – каким бы оно по сво-

ему размеру, структуре и значению ни было – является фразеологизмом, если оно сверхсловно и воспроизводимо» [10; 11].

Материалом исследования явились ФЕ, извлеченные методом сплошной выборки из прозаических произведений Б.Л. Пастернака.

Учитывая характер стилистической коннотации ФЕ и сферу их функционирования, весь фразеологический запас языка произведений Б.Л. Пастернака можно дифференцировать на три класса, традиционно выделяемые фразеологами: *межстилевые ФЕ, народно-разговорные и книжные* [11].

Народно-разговорные единицы составляют значительную часть фразеологического запаса пастернаковской прозы (1248 единиц). ФЕ разговорного характера «отличаются от межстилевых фразеологизмов, с одной стороны, более узкой сферой употребления, а с другой – своей «сниженной» экспрессивно-стилистической окраской (ласкательный, бранный, иронический, презрительный, шуточный, фамильярный и др.)» [11; 145-146]. Преимущественная сфера их функционирования – живая разговорная речь, понимаемая как непринужденная речь носителей литературного языка.

Разговорные ФЕ не только выражают принадлежность к разговорному стилю речи, но и определенное (шутливое, одобрительное, неодобрительное, ласкательное, уничижительное, презрительное, ироническое и т.п.) отношение к называемому. В свою очередь, эта

принадлежность (стилистическая маркированность) придает единице языка определенные эмоционально-оценочные оттенки. Собственно-стилистические (языковые) и функционально-стилистические (речевые) свойства ФЕ тесно взаимосвязаны. Контекстуальный стилистический эффект возникает вследствие их тесного взаимодействия и без учета этого взаимодействия не может быть исчерпывающе раскрыт.

Стилистическая сниженность, как основное свойство этих единиц, особенно заметна при использовании их в иных речевых сферах: научной, публицистической, деловой.

Развитие языка, по мнению ряда исследователей, осуществляется прежде всего в живой народной речи. Это находит свое отражение и во фразеологии. Разговорная фразеология – самый многочисленный и тематически разнообразный пласт образных средств языка. В образах разговорной фразеологии отразились явления материальной, культурной, общественной, экономической жизни народа, характер, нравы, обычаи, национальные особенности русского народа, картины его исторического прошлого.

Народно-разговорные ФЕ заметно выделяются лексическим наполнением. В их составе, как правило, компоненты с конкретным значением: бытовая лексика, семантическая, профессиональная и т.п. Эта особенность, наряду с образностью, отмечена еще В.В. Виноградовым: «По большей части, это – выражения, состоящие из слов конкретного значения, имеющие заметную экспрессивную окраску. Например, положить, класть зубы на полку – в значении: голодать, ограничить до минимума самые необходимые потребности» [1; 30].

Большинство народно-разговорных фразеологизмов почерпнуты Б.Л. Пастернаком из общенародной разговорной речи: *как угорелый; на роду написано; сам не свой; валиться из рук; как по маслу; в одно ухо влетает, в другое вылетает; огород городить; легкий на подъем; ум за разум заходит; попадаться на глаза; сквозь зубы; на радости; вылетать из головы; сам себе голова; хоть плачь; ищи ветра в поле; ей-Богу; давай бог ноги; с легкой руки; перемывать косточки; переливать из пустого в порожнее; волосы встали дыбом; совать свой нос; брать грех на душу; словно грибы после дождя; ни свет ни заря; разинуть рот; как из ведра; из-за чего сыр-бор загорелся* и многие другие.

Некоторая часть подобных ФЕ берет свое начало из разговорной социально-профессиональной речи, в том числе:

1. из речи торговцев: *в цене; ни за какие деньги; на счету; копейки не стоит; полкопейки не стоит; ни за грош;*
2. из речи военных: *белый билет; брать с бою; ваше*

благородие; из пушки не добудиться; не нюхать пороху;

3. из речи медиков: *белая горячка; первая помощь;*
4. из речи театральных работников: *играть роль; из другой оперы;*
5. из речи музыкантов: *пойти на лад; в один голос; задавать тон; по слуху; абсолютный слух;*
6. из речи моряков: *под парами; на всех парусах; со дна морского; на всех парах;*
7. из речи крестьян: *мелкая сошка; обломать рога; на своих хлебах; повернуть оглобли; становиться на дыбы;*
8. из речи церковнослужителей: *семь смертных грехов; многая лета; ангел-хранитель; Великий четверг;*
9. из речи кулинаров: *не по вкусу; хлеб да соль; заваривать кашу; как на дрожжах;*
10. из речи портных: *до последней нитки; шито-крыто.*

Среди характерологических ФЕ разговорного характера, используемых Б.Л. Пастернаком, максимально широко употребляются глагольные и субстантивные, менее активно – адъективные и адвербиальные. Фразеологические коммуникативы представлены пословицами и незначительным количеством междометных фразеологизмов.

Одним из источников фразеологии прозы Б.Л. Пастернака является народное просторечие, под которым понимается одна из разновидностей общенародного языка, обладающая ярко выраженной сниженной стилистической маркированностью: *задирать нос; вышибить дух; драть горло; шарам не верить; протянуть ноги; ни хрена; сам черт ногу сломит; пальца в рот не клади; нечистая сила; черт знает что; к черту; ни за понюшку табаку; как сапожник; нести ахинею; дело табак; провалиться в тартарары; еле душа в теле; мозолить глаза; нелегкая принесла; выпустить кишки* и др.

Отношение просторечия к литературной норме – один из спорных вопросов современной стилистики и лексикологии. Одни лингвисты (Д.Н. Ушаков, А.Г. Гвоздев, Ю.С. Сорокин, В.И. Собинникова, А.И. Молотков и др.) считают просторечие «особым стилистическим пластом литературного языка, отличающимся грубоватостью и яркой эмоционально-экспрессивной окраской» [9; 170]. Другие относят просторечие к внелитературной разновидности общенародного языка (А.И. Ефимов, О.С. Ахманова, Б.Н. Головин и др.). Критерием отнесения/неотнесения той или иной просторечной ФЕ к литературному языку является степень ее стилистической сниженности или грубости, наличие вульгаризмов, жаргонизмов, арготизмов в ее составе. Однако большинство просторечных ФЕ не имеют в своем составе компонентов жаргонно-арготического характера. А степень стилистической сниженности определяется, как правило, субъективно,

«языковым чутьем». Представляется, что фразеологическое просторечие целесообразно рассматривать как нижний пласт разговорной литературной речи [2; 19], включающий в себя единицы внелитературного характера, тот «отрицательный языковой материал», по словам Л.В. Щербы [12; 99], который нарушает, изменяет литературную норму и активно участвует в создании системы языка.

В прозе Б.Л. Пастернака просторечные ФЕ функционируют довольно часто. Разговорное просторечие – один из пластов прозаического словаря Б.Л. Пастернака. Интерес к просторечной лексике и фразеологии наблюдался у Пастернака на протяжении всей его жизни. Оказавшись во время войны в Чистополе, Б.Л. Пастернак записывал незнакомые ему диалектные и просторечные слова, выражения, идиомы, пословицы и поговорки, обратившие его внимание своей образностью и выразительностью, игрой слов, иногда звучностью или необычностью ударения.

«В просторечной и диалектной лексике, фразеологизмах, разговорно-просторечных конструкциях поэт видел первоэлемент народного творчества, который уже в самом себе несет большой заряд экспрессивной энергии и изобразительной силы» [8; 365].

Яркой национальной самобытностью отличаются ФЕ, возникшие под влиянием различных жанров устного поэтического творчества русского народа. Часть фольклорной фразеологии вошла в общенародную разговорную речь в готовом виде из тех или иных жанров народного творчества. Это так называемая «цитатная» фразеология. Ряд выражений образован на основе ассоциативных представлений, основанных на различных сюжетных моментах устно-поэтических произведений.

Приведем примеры: *не на живот, а на смерть; учить уму-разуму; поминай как звали; чудеса в решете; хлебнуть горя; бабушка еще надвое сказала; пора и честь знать; по белу свету; на краю света; намотать на ус; на все четыре стороны; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; долго ли, коротко ли; нечистая сила; живого места не осталось; и на беду; всякая всячина; красная девица; ни жива ни мертва; как со дна морского; батюшки светы; люди добрые; вот тебе и весь сказ; не жалец на белом свете; за тридевять земель; совет да любовь и др.*

Подобные ФЕ являются одним из средств художественно-языковой изобразительности и создания иронически-шутливого эффекта.

Поражает и знание Б.Л. Пастернаком диалектной фразеологии, а также различных народных присказок, заговоров, которые он умело использует для характеристики своих персонажей романа «Доктор Живаго». Так,

описывая старого возницу Вакха, Борис Леонидович обращается к диалектной фразеологии:

«*Штоб мне скрезь землю провалиться*, признал! Признал. *Шарам своим не верю*, живой Григов. (Шарами старик называл глаза, а Григовым – Крюгера)» [6; 279] или же «*У меня ли на Григова не глаз? Я у ём свой век отвековал, я на ём зубы съел*» [6; 279].

Давая характеристику лекарихе-знахарке Кубарихе, Б.Л. Пастернак широко использует в ее речи различные народные присказки-заговоры, например:

« – *Тетка Моргосья, приди к нам в гости. Отворник середу, сыми порчу вереду. Сойди восца с коровья сосца. Стой смирно, Красавка, не переверни лавку. Стой горой, дои рекой. Страфила, страшила, слупи наскрозь струп шелудивый в крапиву брось. Крепко, что царско, слово знахарско*» [6; 372].

Выражая свое ироническое отношение к бесстрашной тете Марфуше, Борис Леонидович вкладывает в ее уста присказку-поговорку:

«*Мели, мол, Емеля, твоя неделя, а я на сундуке и ключи у меня в кулаке*» [6; 315].

Основные функции народно-разговорной фразеологии в языке – оценочно-характерологическая и воздействующая. В прозе Б.Л. Пастернака с помощью народно-разговорных ФЕ реализуются два вида оценок: эмоциональная оценка (воздействие на подсознание воспринимающих и активизация его) и образная оценка (активизация воображения воспринимающего). В пастернаковских текстах эти виды оценки реализуются иногда в пределах одного высказывания, например:

«При других все дурачком, дурачком, а сам втайне на всякий случай *ножик точит*. Да вот не решил еще, на кого, казанская сирота» [6, 178].

В данном примере использование ФЕ *казанская сирота* – меткая, образная авторская характеристика человека (образная оценка), а употребление просторечной ФЕ *точить ножик* придает первой части высказывания несколько сниженную стилистическую окраску (эмоциональная оценка).

Межстилевые ФЕ составляют меньшую часть фразеологического запаса пастернаковской прозы (505 единиц), по сравнению с народно-разговорными. Высокая степень семантической абстракции и слабая стилистическая маркированность способствуют функционированию их в текстах различной стилистической принадлежности без внесения в них «стилистического диссонанса» [7; 28].

Об их стилистической нейтральности свидетельствует и отсутствие соответствующих стилистических помет в словарях в отличие от классификации ФЕ иных пластов. Однако функционально-стилистическая нейтральность не исключает наличия в их семантической структуре оценоч-

ности или эмоциональности. Многие обладают потенциальными (окказиональными) выразительными свойствами, которые реализуются в конкретной речевой ситуации. В отличие от стилистически немаркированной лексики, составляющей основу словарного запаса языка, межстилевых ФЕ значительно меньше в языке, чем фразеологизмов, ограниченных сферой функционирования. Это объясняется тем, что основная функция слова в языке – номинативная, основная же функция ФЕ – оценочно-воздействующая. Эта количественная соотнесенность ФЕ различной стилистической принадлежности в полной мере относится и к фразеологическому запасу Б.Л. Пастернака. Например, к межстилевым относятся ФЕ типа: *иметь дело; в цене; упустить из виду; ни минуты; с трудом; время от времени; в честь; между тем; по мере; называть вещи своими именами; держать в курсе; тем временем; брать пример; дать слово; принимать во внимание; со всех концов* и т.п.

Как видно из примеров, компонентный состав межстилевых ФЕ, как правило, стилистически нейтрален. В структурно-грамматическом отношении наиболее продуктивны глагольно-субстантивные и субстантивно-субстантивные предложно-падежные конструкции, менее продуктивны – адъективно-субстантивные конструкции.

Межстилевые ФЕ, как правило, служат средством констатации, уточнения, усиления, категоричности, конкретизации основной информации, выражения субъективной модальности. Например:

«Не платёжный был день, вот как перед Богом, плюнул бы я на вас и, немедля *ни минуты*, своей управой положил бы конец гомозне» [6; 43]. Использование ФЕ *ни минуты* придает высказыванию оттенок категоричности. Или же употребление ФЕ *между тем* в следующем примере: «*Между тем* вы – доктор, начитанный и даже, кажется, сами что-то пишете» [6; 345] является средством конкретизации основной информации. Фразеологическая единица *в том числе* выполняет функцию уточнения в следующем высказывании: «За этим расчерчиванием разных разностей он снова проверил и отметил, что искусство всегда служит красоте, а красота есть счастье обладания формой, форма же есть органический ключ существования, формой должно владеть все живущее, чтобы существовать, и, таким образом, искусство, *в том числе* и трагическое, есть рассказ о счастье существования» [6; 458].

Одна из основных функций межстилевых ФЕ в пастернаковском тексте – текстообразующая. В прозе Б.Л. Пастернака они активно используются в качестве средства фразовой и межфразовой смысловой связности текста. Эту функцию они выполняют при параллельном действии других средств (лексических, грамматических, интонационных и др.). Например:

«В печке с дружным треском бурно разгорались сухие Кулабышевские дрова, и *по мере того*, как они занимались, ревнивое ослепление Юрия Андреевича, на-

чавшись со слабых предположений, достигло полной уверенности» [6; 395].

«У Катюши открылись замечательные способности, частью драматические, а с *другой стороны* и музыкальные...» [6; 499].

«Какая-то крепкая сплошь на чувстве стоящая связь! Но, с *другой стороны*, он и совсем позабыл о ней, если бы не напомнить ему про телеграмму» [5; 34].

Чаще всего межстилевые ФЕ выступают в текстообразующей функции как средство семантической связности микротекста (фразы).

Пласт **книжной фразеологии** пастернаковской прозы представлен малочисленными примерами (38 единиц). Книжные ФЕ употребляются преимущественно или исключительно в письменной или литературной речи – публицистической, научной, художественной, официально-деловой. Они отличаются от народно-разговорных и межстилевых ФЕ также характером стилистической окраски (торжественность, патетичность, риторичность, возвышенность, поэтичность и т.п.). Кроме того, в отличие от «безымянных» межстилевых и разговорных многие книжные ФЕ сохраняют в различной степени ощутимую литературную или конкретно-историческую «печать авторства», но многие из них утратили какую-либо связь с первоисточником. Например:

иметь под собой почву; класть к ногам; печать лежит; камень на камени не останется; поле зрения; час пробил; всеми фибрами; игра судьбы; проливать кровь; белый свет; от молодых ногтей и т. п.

К этой группе принадлежат, в основном, глагольно-субстантивные и субстантивно-субстантивные словосочетания.

Одни из этих ФЕ связаны своим происхождением с греко-римской мифологией, например, *подливать масла в огонь; переполнять чашу терпения; разрубать <Гордиев> узел; человек человеку волк*, другие – с церковно-книжными славянскими источниками, например: *многая лета; приносить в жертву; облеченные в плоть и кровь; тьма кромешная* и др.

Широко используются в пастернаковской прозе устойчивые выражения, заимствованные из легенд, притч и сказаний Ветхого и Нового завета и позже переосмысленные.

«Библия – это собрание самых разнообразных сочинений, составленное в разное время очень многими писателями, – пишет академик Е.М. Ярославский. – В ней собрано много сказок и преданий, какие можно встретить у любого пастушеского и земледельческого народа... В продолжение веков эти рассказы передавались из уст в уста, переписывались малограмотными переписчиками, дополнялись позднейшими вставками,

часто совершенно вымышленными, так что трудно даже отличить, где выдумка. В Библии имеются и воинственные, и нежные любовные песни вроде Песни песней Соломона, и описания природы, и своды законов разных времен, родословные и летопись, описание обрядов и собрание изречений, повести, романы и притчи, размышления о прошлом и будущем, письма и гимны» [134; 7]. По данным американского переводоведа Ю. Найды, Библия полностью переведена на 210 языков мира и частично – более чем на тысячу языков [3; 46].

Крупнейшие представители мировой литературы активно использовали библейские мотивы, тексты и образы в своем творчестве. Библиизмы – средство создания возвышенности и торжественности или наоборот, иронии и сарказма в поэтической речи А.С. Пушкина, средство создания бунтарского пафоса в поэзии Т.Г. Шевченко. Не случайно этот литературный памятник дал столько крылатых изречений и афоризмов, многие из которых стали интернациональными. Из этого источника берут свое начало использованные Б.Л. Пастернаком выражения: *камень на камени не останется; хлеб насущный; притча во языцех; как зеница ока; в плоть и кровь; одним миром мазаны; царство Божие; царствие небесное; Матерь Божия; Великий четверг; день Двенадцати евангелий; раба Божия; вечная память; смертный грех; честнейшею херувим* и т.п.

Употребление библейских ФЕ активизируется в тех эпизодах романа «Доктор Живаго», когда авторская мысль непосредственно обращена к постижению и интерпретации евангельской мудрости. Это лирические размышления Юрия Живаго, напряженный поток сознания Лары, это беседа Живаго с другом Гордоном или Симушкой.

Используя библейские фразеологические единицы, Б.Л. Пастернак создает в романе и множество окказиональных афоризмов, такие как:

каждое зачатие непорочно; перед Богом все равны; блаженны нищие духом; блаженны алчущие и жаждущие правды; завидна участь растоптанных; блаженны поруганные; блаженны оплетенные.

Осмысляя и интерпретируя библейскую мудрость, Пастернак активно использует библейские фразеологические единицы и вводит окказиональные афоризмы в речь героев.

«Библейские фразеологические единицы, по мнению М.Р. Лившиц, выполняют в тексте романа важнейшие функции. Во-первых, текстообразующую: введение афоризмов объединяет значимые и законченные части текста концептуальным смыслом, общностью идейного содержания. Во-вторых, концептообразующую функ-

цию. Индивидуальная интерпретация БФЕ (библейских фразеологических единиц – Л.К.) помогает раскрыть образы главных героев, духовно близких автору (Живаго, Гордон, Лара). Употребление в речи персонажей афоризмов, созданных на базе библейского текста, дает возможность подчеркнуть общность их нравственных ориентиров, близость авторскому мировосприятию. Афоризмы, произнесенные Гордоном, Живаго, отражают идеи самого Пастернака...» [4; 213-214].

Встречается в прозаических произведениях Б.Л. Пастернака и литературно-художественная фразеология, к которой относятся ФЕ, генетически восходящие к строкам художественных произведений или их названиям, например: *человек в футляре* – А.П. Чехов; *красота спасет мир* – Ф.М. Достоевский; *делать из мухи слона* – Лукиан; *человек человеку волк* – Плавт; *мы дети страшных лет России* – А.И. Блок; *тысяча и одна ночь* – название сборника арабских сказок; *слуга двух господ* – заглавие комедии Карло Гольдони, восходящее к евангелию.

Встречается в пастернаковской прозе и заимствованная из французского языка ФЕ в нетранслитерированной форме, например, *devant-derriere* (*шиворот-навыворот*).

« – Да, но милочка, ей как раз хуже, хуже, понимаешь, а у тебя всегда все *devant-derriere*» [6; 95].

В приведенном выше примере иноязычное выражение сопровождается в пастернаковском тексте русским переводом. Б.Л. Пастернак ввел иноязычное выражение в речь героя для наиболее точной, экспрессивно-образной характеристики стариков Свентицких.

ФЕ терминологического характера встречаются в прозе Б.Л. Пастернака довольно редко, например, *белый билет; абсолютный слух; белая горячка* и др. До сих пор статус этих образований остается спорным, хотя большинство фразеологов относят их к объекту фразеологии (В.В. Виноградов, О.С. Ахманова, С.И. Ожегов, Б.А. Ларин, А.М. Бабкин и др.), что находит свое отражение и в современной лексикографической практике.

Таким образом, с точки зрения функционально-стилистической характеристики, пастернаковская фразеология представлена тремя основными классами ФЕ: народно-разговорными, межстилевыми и книжными, наибольший из которых занимает народно-разговорная фразеология, как самый многочисленный и разнообразный пласт образных средств языка. В образах разговорной фразеологии отразились явления материальной, культурной, общественной, экономической жизни народа, характер, нравы, обычаи, национальные особенности русского народа, картины его исторического прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). [Текст] / В.В. Виноградов. – М., 1986. – 639 с.
2. Бельчиков, Ю.А. Вопросы соотношения разговорной и книжной лексики в русском литературном языке второй половины XIX столетия: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1974.
3. Зорівчак, Р.П. Фразеологічна одиниця як перекладознавча категорія. [Текст] – Львів, 1983.
4. Лившиц, М.Р. Окказиональные афоризмы, созданные на базе библейской фразеологии, в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» [Текст] // Фразеология – 2000: Материалы Всерос. науч. конф. «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы» (Тула, 25-26 апреля 2000г.). – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000. – С.211-214.
5. Пастернак, Б.Л. Апеллесова черта [Текст] // Воздушные пути. Проза разных лет. – М.: Совет. писатель, 1982. – С.19-39.
6. Пастернак, Б.Л. Доктор Живаго. [Текст] / Б.Л. Пастернак // Избр. в двух томах. Т. 2. – СПб.: Кристалл, 1998. – 506 с.
7. Смирницкий, А.И. К вопросу о слове [Текст] // Труды института языкознания АН СССР. – Т. 4, М., 1954.
8. Смолицкий, В.Г. Б. Пастернак – собиратель народных речений // Пастернаковские чтения. Вып. 2. – М.: Наследие, 1998. – 368 с.
9. Федосов, И.А. Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии [Текст]. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. н/Д ун-та, 1977. – 211 с.
10. Шанский, Н.М. О фразеологизме как языковой единице и предмете фразеологии [Текст] // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Тула, 1968.
11. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка [Текст]. – 3-изд., испр. и доп. М., 1985.
12. Щерба, Л.В. Опыт общей теории лексикографии [Текст] // Изв. АН СССР. Отд. лит. яз. 1940, № 3.
13. Ярославский, Е.М. Библия для верующих и неверующих. [Текст]. – Л., 1975.

© Кожанова Лариса Владимировна (l.kozhanova@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

